И. А. Истомин, А. С. Кильдюшкин

ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛОВ ГОСУДАРСТВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Попытки количественного определения потенциалов государств предпринимаются уже несколько десятилетий. Исследователи часто предлагают различный набор базовых показателей, объясняющих дальнейшую дисперсию силы в современном мире. Вместе с тем во многих работах фиксируется либо смешение критериев, находящихся на разных уровнях анализа, либо чрезмерное завышение значимости одной из характеристик. Такой подход не дает представления о реальном соотношении силовых потенциалов государств. В статье предлагается собственное обоснование показателей экономического и военного потенциалов крупнейших стран мира. Фиксируемые за последние несколько лет изменения соотношений этих показателей демонстрируют преждевременность оценок о сложившемся полицентричном мире и стагнацию в тенденции на постепенное усиление потенциалов большинства развивающихся государств. Библиогр. 28 назв. Ил. 1. Табл. 3.

Ключевые слова: силовой потенциал, дисперсия силы, критерии силы, неореализм, полицентричная система, мировой порядок, международные отношения.

I. A. Istomin, A. S. Kildyushkin

DYNAMICS OF STATE POWER POTENTIALS AND PROSPECTS FOR A POLYCENTRIC INTERNATIONAL SYSTEM

Attempts at giving state power potential a quantitative definition have been undertaken for several decades. Researchers often offer various basic indicators explaining further power dispersion in the contemporary world. However, many research papers either contain a mix of criteria taken from different levels of analysis or they inflate the significance of a given characteristic. Such an approach does not reflect the actual relationship between state power potentials. The present article offers an original vision related to indicators of economic and military potentials of the most powerful states in the world. The shifts in relationships between these indicators that have been recorded in the last several years show that any claims of a clearly formed polycentric world are premature. It also signals that the trend related to the gradual strengthening of power potentials of developing states is toward stagnation. Refs 28. Fig. 1. Tables 3.

Keywords: power potentials, power dispersion, power criteria, neorealism, polycentric system, world order, international relations.

Истомин Игорь Александрович — кандидат политических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) (МГИМО МИД России), Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76; iaistomin@gmail.com

Кильдюшкин Александр Сергеевич — магистр, Московский государственный институт международных отношений (университет) (МГИМО МИД России), Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76; kildyushkin.a.s@my.mgimo.ru

Istomin Igor A. — PhD, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; iaistomin@gmail.com

Kildyushkin Aleksandr S. — M.S., Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; kildyushkin.a.s@my.mgimo.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

 https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.406

Введение

С 1990-х годов в отечественной литературе перспективы трансформации международного порядка рассматриваются преимущественно в логике перехода к полицентричной системе. Под ней понимается закрепление ведущей роли в мирорегулировании группы крупных, хотя и не обязательно равновесных, игроков. Подобная конфигурация центров силы противопоставлена как биполярности, существовавшей в эпоху холодной войны, так и доминированию единственной сверхдержавы, возникшему после ее завершения. Представления о становлении полицентричного мира также вступают в противоречие с гипотезой о радикальной дисперсии политического влияния и хаотизации международных отношений, связываемой рядом исследователей с развитием глобализации и распространением транснациональных субъектов международной политики [1].

Сторонники предположения о транзите к полицентричности представляют численное большинство не только в экспертном сообществе. Ориентация на построение «многополярного»[1] или полицентричного мира была закреплена в российских внешнеполитических документах [3]. Более того, в 2010-х годах переход к новому миропорядку перестал рассматриваться как отдаленная перспектива и все больше представляется как процесс, наблюдаемый уже в настоящее время. В отдельных экспертных публикациях и выступлениях политического руководства России постулируется, что полицентричная система уже сформировалась.

Подобные утверждения обосновываются, в большинстве случаев, ссылкой на отдельные примеры самостоятельной и активной политики ряда незападных государств, в первую очередь России и Китая. Такой подход несколько отличается от выдвигавшейся в 2000-х годах аргументации, обосновывавшей переход к полицентричному миру возрастанием экономического потенциала «восходящих» держав и неизбежной его конвертацией в политическое влияние [4].

Показательно, что значительная часть отечественных дискуссий о трансформации международного порядка проходит в отсутствие теоретического объяснения источников политического влияния государств и выработки показателей, характеризующих соотношение их потенциалов [5, с. 20–33]. Подобное положение ослабляет позиции российской школы в дискуссиях с представителями западной академической науки (преимущественно, американской), в которой обсуждение перспектив трансформации международного порядка опирается на солидную методологическую основу [6, p. 41–78; 7].

В этих условиях целью настоящей статьи становится оценка современного состояния и динамики изменения за последние десять лет соотношения потенциалов между крупными державами, составляющих материальную основу структуры международной системы. Концентрация на ресурсных возможностях государств за выбранный период представляется актуальной с учетом того, что финансовый кризис в США 2007–2008 гг. стал триггером экспертных дискуссий об ослаблении позиций Соединенных Штатов на международной арене и переходе к полицентричному

[1] Относительно научной некорректности подобного словоупотребления см. пояснение Э. Я. Баталова [2, с. 22–29].

миропорядку[2]. Следовательно, встает вопрос о том, в какой степени эти ожидания соотносятся с изменением объективных параметров национальной мощи.

Прежде чем перейти к сопоставлению потенциалов ведущих держав, необходимо определить параметры, релевантные для проведения подобного сравнения. В этой связи в следующем разделе будут представлены теоретические подходы к определению типа международной системы и на этой основе будут выделены основные составляющие потенциала государства на мировой арене. В дополнение к этому будет продемонстрировано различие между латентным потенциалом, который выступает выражением национального богатства страны, и внешнеполитическими ресурсами государства. Последние образуются в результате присвоения правительством части благ, созданных производительной частью общества и направленных на осуществление стратегии на международной арене.

В последующих разделах будет проанализировано изменение соотношения латентных потенциалов стран между 2007 и 2015 гг., а также рассмотрен текущий военный баланс как отражение их эффективности в присвоении и использовании национального богатства.

Определение типа международной системы с позиции неореализма и основные составляющие потенциала государства

Вопрос о параметрах, определяющих порядок организации системы, является ключевым для структурных теорий международных отношений, получивших развитие с конца 1970-х годов. В первую очередь, для неореализма. Структурные теории стремятся объяснить отношения между игроками и, в ряде случаев, внешнюю политику отдельных государств принуждениями и ограничениями, навязываемыми системой отдельным участникам взаимодействия.

Важнейшую роль в их развитии сыграла работа Кеннета Уолтца «Теория международной политики» [9]. В ней американский исследователь выделяет три основные характеристики любой (не только международной) системы: общий организующий принцип, степень функциональной дифференциации элементов и число системообразующих элементов. Уолтц доказывает, что в международных отношениях два первых параметра выступают в качестве констант.

Организующим принципом международной политики выступает анархия, понимаемая как отсутствие верховной власти, обладающей монополией на легитимное насилие внутри системы. В этой связи функциональная дифференциация между государствами отсутствует, так как между ними невозможно разделение труда, присущее государственноорганизованным обществам. В отсутствие верховной власти ни один участник международной системы не может полагаться на помощь в случае угрозы своему выживанию и, соответственно, вынужден обеспечивать ее самостоятельно.

Единственной существенной характеристикой, отличающей отдельные международные системы друг от друга, выступает число значимых элементов. Критерием значимости в данном случае выступает влияние действий соответствующих государств на сохранение системы или ее дестабилизацию. На основе теории Уолтца можно выделить четыре идеал-типические модели систем:

[2] Обзор дискуссии см. [8, p. 7–51].

1. Фрагментированная структура предполагает, что никто из большого числа участвующих во взаимодействии игроков в одиночку не способен повлиять на систему в целом. Подобное положение аналогично ситуации идеальной рыночной конкуренции в экономике.

2. Полицентричная структура характеризуется небольшим числом системообразующих игроков (в частности, в классических европейских и европоцентричных системах XVII — начала XX в. от 4 до 7), обладающих сопоставимыми возможностями. В данном случае экономическим аналогом выступает олигополия.

3. Биполярная структура возникает, когда двум государствам удается существенно оторваться по основным параметрам национальной мощи от конкурентов, как это было на протяжении большей части второй половины XX столетия. Подобные системы также характеризуются олигополией, только с меньшим числом участников, чем в случае полицентричной структуры.

4. Гегемонистская структура определяется наличием одного значимого, с точки зрения системы, государства, существенно превосходящего все другие по своим возможностям. По своим характеристикам такая модель была бы сравнима с монополией в экономических отношениях, но, по мнению Уолтца, построение гегемонии в масштабах всей международной системы невозможно.

Уолтц подчеркивает, что аккумулирование потенциала не обязательно гарантирует государству достижение желаемого результата в международных отношениях, но оно обеспечивает его большими возможностями для участия в международной политике, одновременно повышая степень его ответственности за стабильность системы. При этом он не предоставляет возможности однозначной операционализации национальной мощи. В качестве ее составляющих он называет количество населения, размер территории, наличие природных ресурсов, экономическое богатство, военную мощь, политическую стабильность и компетентность на международной арене [9, p. 131].

Выделение столь широкого набора параметров, часть из которых к тому же трудно поддается измерению, затрудняет сопоставление государств и выявление структуры международной системы. Последующие исследователи неизменно стремились свести оценку потенциала государств к более простым и, по возможности, квантифицируемым моделям национальной мощи.

Широкое признание в международных исследованиях приобрел Сводный индекс национального потенциала, разработанный американским исследователем Дэвидом Сингером. Он построен на основе расчета среднего арифметического доли страны в мире по шести показателям: общей численности населения, численности городского населения, потреблению первичной энергии, выплавке чугуна и стали, военным расходам и численности персонала вооруженных сил [10, p. 19–48].

Впоследствии обновленную систему измерителей, учитывающую растущее значение научно-технологического развития в формировании потенциала государств, разработали представители американского аналитического института РЭНД. Их оценки национальной мощи построены на показателях численности населения, ВВП, военных расходов, количества патентов на изобретения и уровня цитируемости ученых [11]. Дальнейшим развитием этого подхода стал комплексный индекс, используемый Национальным разведывательным советом США при построении долгосрочных прогнозов международного развития [12]. Дополни-

тельно в него включаются такие характеристики стран, как уровень образования и здравоохранения.

При всех различиях в отборе отдельных показателей принципиальной проблемой подобных индексов остается смешение двух уровней анализа. В них одновременно включаются критерии, характеризующие национальное богатство страны и ту его часть, которая присваивается правительством с целью реализации внешнеполитического курса. Таким образом, сводные индексы оценивают два различных, хотя и связанных друг с другом объекта: страну и государство. Методологически такая практика некорректна. В этой связи в настоящей статье показатели национального богатства и внешнеполитические ресурсы государства, при операционализации которых, как правило, основное внимание уделяется военной мощи, будут рассматриваться по отдельности.

В то же время анализ исторического опыта конкуренции между великими державами с начала Нового времени, предпринятый Полом Кеннеди, свидетельствует — успех государств в международной борьбе, и в том числе в военных конфликтах, тесно увязан с аккумулируемым общественным богатством [13]. Игроки, располагающие большим экономическим потенциалом, удерживали ведущие позиции в международной системе. Тот, чей хозяйственный потенциал снижался, с течением времени лишался возможности влиять на ее структурирование.

При этом, как демонстрируют исследования Джона Миршаймера и других специалистов, индикаторы масштабов национального хозяйства зачастую скрывают качественные различия между странами [14]. Более высокий уровень технологического развития обеспечивает государству существенное преимущество при равных валовых показателях. Подобное различие явственно проявляется в условиях фундаментальной смены производственно-экономического уклада. Например, при переходе от аграрных хозяйств к промышленным экономикам в XIX столетии последние располагали существенным преимуществом.

При этом Миршаймер подчеркивает отсутствие прямой корреляции между объемом национального богатства и потенциалом государства. Последнее зависит от экстрактивной способности правительства, обеспечивающей извлечение части произведенного общественного продукта в его интересах. У отдельных государств этот показатель может существенно различаться с учетом характера отношений между исполнительной властью и иными политическими и общественными силами [15]. Такая разница может сглаживать или обострять разрыв в латентном потенциале, сконцентрированном в обществах, хотя исторически она актуализировалась в условиях незначительного различия между странами по уровню национального богатства.

Исходя из представленного опыта исследования соотношения потенциалов в международной политике в следующем разделе будет представлена динамика изменения ВВП ведущих держав в сравнительной перспективе к середине 2010-х годов по сравнению с периодом до мирового финансово-экономического кризиса. Это, в свою очередь, позволит оценить соответствие базовых оснований возможности государств структуре полицентричного мира и, соответственно, долгосрочные перспективы приближения к ней.

Формирование новой биполярной системы в экономической сфере

Тенденция перераспределения экономических возможностей стран, выраженная в перемещении центров мирового производства, остается одним из наиболее обсуждаемых мегатрендов мирового развития на протяжении 2000–2010-х годов [16]. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. рассматривался в качестве свидетельства фундаментального ослабления национального хозяйства Соединенных Штатов и утраты ими роли локомотива мирового развития.

Подобные оценки не являются новыми. На протяжении всего периода после Второй мировой войны доля США в мировой экономике постепенно снижалась. Эта тенденция еще в 1980-х годах заставила исследователей говорить об утрате Соединенными Штатами гегемонии [17]. Тем не менее в следующем десятилетии в моде оказались утверждения о возникновении моноцентричного (или, как чаще он именуется в западной литературе, «однополярного») мира [18, p. 23–33; 19, p. 5–41]. В этой связи использование оценок экономического потенциала стран требует известной осторожности, тем более что для их построения используются различные критерии, по поводу которых идут активные дискуссии.

С точки зрения «восходящих» держав наиболее предпочтительными представляются оценки, построенные на пересчете валового внутреннего продукта по паритету покупательной способности (ППС). Этот показатель призван отражать тот факт, что на один доллар в развивающемся мире, как правило, можно приобрести больше, чем в развитом. Таким образом, он представляется наиболее простым тестом для гипотезы о формировании полицентричного мира.

Тем не менее тенденции, наблюдаемые в мировой экономике в последнее десятилетие, не способствуют ее подтверждению (см. табл. 1). В период с 2007 г. доля большинства крупнейших мировых экономик в мировом ВВП изменилась незначительно. Экономики ведущих развитых стран потеряли от 1 до 2 %, что тем не менее кардинально не поменяло их положение, на фоне того, что большинство крупных развивающихся стран в сравнительной перспективе скорее стагнировали, чем «восходили». За рассматриваемый период нарастить долю в мировом хозяйстве удалось лишь двум странам: Индии и Китаю. Вклад в мировой ВВП каждой из них увеличился практически в два раза.

В результате Индия вышла на третье место по размерам экономики (при учете паритета покупательной способности). В то же время даже она более чем в два раза отстает от лидеров: США, потерявших с 2007 г. 2 % своей доли в мировом ВВП, и Китая, вышедшего по этому показателю на первое место. В совокупности эти две страны занимают около трети мирового хозяйства (что представляет значительную консолидацию экономического потенциала в системе из более чем 190 элементов). Доля остальных крупных экономик уступает США и Китаю в четыре и более раз. Подобного отрыва двух стран от остальных по консолидации экономического потенциала не наблюдалось даже в последние десятилетия холодной войны.

Стоит также отметить, что благодаря Индии и Китаю совокупная доля десяти ведущих государств в мировом хозяйстве не только не упала, но даже увеличилась. Подобное положение входит в противоречие с гипотезой о дисперсии силы в результате процесса глобализации. Сохраняющееся и даже усиливающееся преобладание крупных стран над остальными в более длительной исторической ретро-

спективе подтверждается также исследованием, реализованным научным коллективом под руководством Томаса Волджи [21].

Таким образом, динамика изменения ВВП по ППС указывает скорее на формирование экономических условий для возникновения новой биполярности, чем для вызревания полицентричной системы. Вместе с тем американская и китайская экономики при сопоставимых масштабах оперируют на фундаментально различных уровнях развития. Ярким проявлением последнего остается разрыв в производительности труда (см. табл. 2).

Таблица 1. **Динамика изменения доли крупнейших экономик в мировом ВВП**

Страна	Доля в мировом ВВП по ППС (2007)	Доля в мировом ВВП по ППС (2015)
Бразилия	0,03	0,03
Великобритания	0,03	0,02
Германия	0,04	0,03
Индия	0,05	0,07
Индонезия	0,02	0,02
Китай	0,11	0,17
Россия	0,04	0,03
США	0,18	0,16
Франция	0,03	0,02
Япония	0,06	0,04
10 крупнейших экономик	**0,59**	**0,61**

Составлено авторами по данным Всемирного банка [20].

Таблица 2. **Сопоставление динамики уровня продуктивности экономик ведущих стран**

Страна	Показатель ВВП по ППС на душу населения в сравнении с США	
	2007 г.	2015 г.
Бразилия	0,26	0,28
Великобритания	0,75	0,73
Германия	0,79	0,83
Индия	0,07	0,11
Индонезия	0,15	0,20
Китай	0,14	0,26
Россия	0,45	0,46
США	1,00	1,00
Франция	0,74	0,72
Япония	0,72	0,72

Составлено авторами по данным Всемирного банка [20].

С 2007 г. Китай смог существенно ее нарастить, достигнув уровня ВВП на душу населения в четверть американского. Как и в случае с общим валовым показателем

КНР и Индия выступают практически единственными странами, которые смогли достигнуть существенного прогресса в повышении производительности труда за прошедшее десятилетие. Сохранение серьезного разрыва между развитыми и развивающимися экономиками в этом вопросе ставит под сомнение ожидания ряда исследователей о диффузии технологий в современном мире, обеспечивающей выравнивание условий конкуренции[3].

Более того, если, как ожидает ряд специалистов [23], ведущие государства перейдут на новый технологический уклад, а роботизация позволит существенно снизить роль трудовых издержек в структуре себестоимости продукции, значение разрыва в производительности труда в характеристике национального богатства стране еще более возрастет.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что представленная оценка аккумулированного экономического потенциала делалась на основе показателя, который благоприятствует «восходящим центрам силы». Между тем Стивен Брукс и Уильям Уолфорт критикуют даже показатель ВВП по обменному курсу за недостаточный учет инновационного потенциала стран и специфики информационной экономики [7]. В соответствии с используемым ими индикатором «инклюзивного богатства», разработанного ООН, Соединенные Штаты сохраняют еще более значимое преобладание в мировом хозяйстве. По этому комплексному показателю (рассчитанному, правда, лишь на 2010 г.) они опережают Японию более чем в 3 раза, Китай — в 3,5 раза, а Германию — в 4.

Кроме того, представленное сопоставление характеризует потенциалы крупнейших стран по отдельности. Подобный подход соответствует логике структурирования международной системы, в соответствии с неореалистской теорией, которая критически относится к возможностям долгосрочных союзов между государствами. В то же время в современной международной политике Соединенные Штаты действуют, как правило, совместно с традиционными партнерами. Между тем консолидированный Запад контролирует значительно большую, в сравнении с каждой из «восходящих» держав, долю валового мирового экономического продукта. Совокупный ВВП пяти крупнейших развитых государств в 1,5 раза больше китайского даже при пересчете по паритету покупательной способности.

Аккумулировать сопоставимый потенциал «восходящие» экономики смогут только в результате политической консолидации. В то же время подобное сближение опять же будет подталкивать международную систему скорее к коллективной биполярности, чем к полицентричному миру.

Оценка военного потенциала ведущих стран мира

Несмотря на то, что общество в целом, а не только государство, выступает производителем и владельцем национального богатства, манипулирование доступом к нему может представляться весомым инструментом политики правительства. В частности, санкционная политика в отношении зарубежных оппонентов строится на ограничении их возможности извлекать прибыль из доступа на рынок отдельной страны. Напротив, открытие внутреннего рынка порой используется как способ стимулирования политической лояльности.

[3] См., например, [22].

Вместе с тем подобные регулятивные инструменты при всей доступности не способны обеспечить полный спектр механизмов достижения национальных интересов. В первую очередь они сохраняют ограниченную полезность при реализации ключевой функции выживания государства. В этой связи показателен пример Индии и Китая, которые на рубеже XVIII–XIX веков сохраняли лидирующие позиции по объему аккумулированного национального богатства. Однако они ничего не смогли противопоставить колониальным державам, располагавшим меньшим общественным богатством, но большими экстрактивными способностями.

В то же время оценка эффективности государств в присвоении и использовании общественного богатства связана с объективными методологическими трудностями. В первую очередь, в отсутствие интенсивного межгосударственного соперничества игроки могут не видеть необходимости в извлечении существенных ресурсов из продуктивного сектора национального хозяйства, тем более, если такой шаг может привести к замедлению экономического роста.

Подобная ситуация может быть проиллюстрирована динамикой военных расходов крупных игроков после окончания холодной войны. В условиях снижения уровня международно-политической конфликтности не только Россия, испытывавшая экономические трудности, пошла на их серьезное снижение, но и западные государства постарались воспользоваться «мирным дивидендом» (см. рис.). Таким образом, текущий низкий уровень конверсии национального богатства во внешнеполитический ресурс может не отражать реальных возможностей государства.

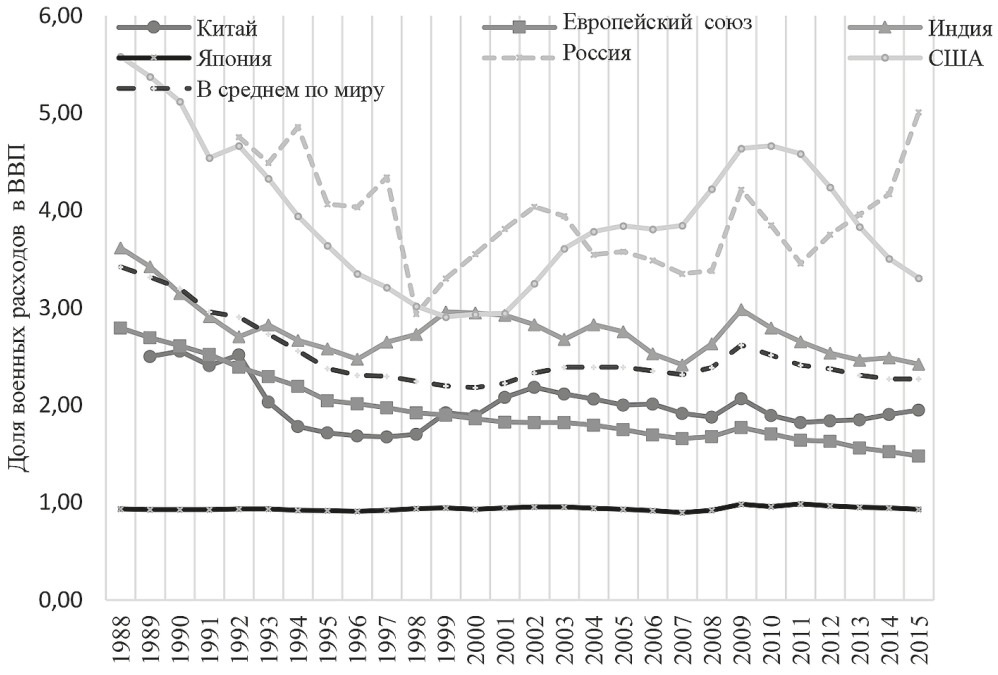

Рис. Военные расходы крупных игроков в 1990–2010-х годах

Составлено авторами на основе данных Стокгольмского института исследования проблем мира[4].

[4] База данных SIPRI Military Expenditure Database 2016 [24].

Более того, оценку военного потенциала государств затрудняет и дифференцированная структура современных вооруженных сил, которые предполагают комбинирование различных типов войск, выполняющих специализированные функции и различающиеся по уровню технологической оснащенности. В данном случае проблема выработки интегрального показателя оказывается еще более острой, чем в случае анализа экономического потенциала.

В качестве оценки военной составляющей силового потенциала в исследовании использован специализированный индекс оценки военной силы (PwrIndx), который включает в себя более 50 факторов и средневзвешенный военный бюджет каждой из стран за период 2007–2015 гг. (в ценах 2014 г.). Индекс PwrIndx фиксирует военную мощь конкретного государства, тогда как военные расходы — финансовые усилия государства для поддержания имеющегося потенциала.

Несмотря на то, что PwrIndx обладает рядом недостатков (не включает в себя оценку эффективности взаимодействия и управления при ведении военных действий, оценку числа профессиональных военнослужащих, наличие и потенциал ядерного оружия), на настоящее время его можно считать одним из наиболее востребованных инструментов при проведении анализа релевантных реальному состоянию силовых потенциалов государств. Вместе с тем индекс плохо пригоден для оценки динамики изменения показателя за определенный период, поскольку в приведенной таблице показателей индекса за 2015 г. (см. табл. 3) учитывается около 50 факторов и 126 государств мира, а в том же исследовании за 2012 г. отмечалось только 40 факторов и оценивалось всего 68 государств мира. Так или иначе, все рассматриваемые в текущем исследовании государства можно ранжировать за последний год по этому показателю. Необходимо отметить, что на военный потенциал стран — участников блока НАТО влияет их нахождение в этой структуре, тем самым формируя конечный показатель их военного потенциала (в основном в сторону его увеличения). Другие страны (Россия, Индия, Япония и Китай) рассматриваются индивидуально (как внеблоковые государства).

Другим важным показателем, отражающим военную мощь государства, остается его военный бюджет. Этот показатель фиксирует финансовые ресурсы, которые тратит национальное правительство на поддержание вооруженных сил, т. е. на способность государства направлять указанную сумму именно для нужд, обеспечивающих обороноспособность и другие возможности вооруженных сил, а не на прочие нужды. Альтернативные этому показатели (военные расходы на душу населения страны, доля военных расходов в национальном ВВП или от всех правительственных расходов) оказались невостребованными в данной работе, поскольку они не отражают сути превращения финансовых ресурсов в военную мощь государства.

Средневзвешенный показатель военного бюджета за период в несколько лет против того же показателя за последний год был выбран по нескольким причинам. Во-первых, военное строительство, программы закупок вооружения и техники, переоснащение, проведение военных учений и игр носят долгосрочный характер. Таким образом, недостаточно нарастить военные расходы в последний отчетный год, чтобы значительно повысить военный потенциал государства. Во-вторых, учет нескольких лет позволяет сглаживать итоговый показатель в случае, если в какие-то определенные годы наблюдались значительные траты либо экономия на

военные нужды по любым причинам (военные операции, экономический кризис, банальный популизм и пр.). Рассматриваемый период охватывает время начиная с 2007 г. (последний докризисный год) по 2015 г. (опубликованные данные). Для расчета средневзвешенных показателей все годовые бюджеты за выбранный период рассчитываются в ценах одного года (в данном случае 2014 г.) и в одной валюте (долл. США).

Таблица 3. **Оценка военного потенциала ведущих стран мира за 2015 г.**

Ключевые государства региона Ближнего Востока и Северной Африки	**Global Firepower Index (GFP Index) — 2016[5] (50 факторов)**	**Относительный военный силовой потенциал[6]**	**Средневзвешенный военный бюджет за 2007–15 гг. (в ценах 2014 г.)[7], в млн долл.**	**Относительный показатель средневзвешенного военного бюджета[8]**	**Показатель «эффективность — стоимость»[9]**
Великобритания	0,2164	0,415	64997	0,096	**4,34**
Германия	0,2646	0,339	47534	0,070	**4,85**
Индия	0,1661	0,540	46894	0,069	**7,84**
Китай	0,0988	0,908	157924	0,232	**3,91**
Россия	0,0964	0,930	69403	0,102	**9,12**
США	0,0897	1,000	680536	1,000	**1,00**
Франция	0,1993	0,450	64032	0,094	**4,78**
Япония	0,2466	0,364	46300	0,068	**5,35**

Далее в расчетах будет учитываться только относительный силовой потенциал, который сможет более наглядно представить военные силовые потенциалы выбранных стран. Однако необходимо отметить, что масштаб военных расходов и получаемый результат расчетов (в виде фактического военного силового потенциала) сильно отличаются от страны к стране. Так, США, например, являясь мировым лидером по военным расходам (со значительным отрывом от ближайшего преследователя (Китая)), является абсолютным антилидером в формировании своего военного потенциала по критерию «эффективность — стоимость».

Таким образом, данный критерий демонстрирует не только способность государства изымать долю финансовых ресурсов из национальной экономики для поддержания или повышения национальной военной мощи, но и превращение этих ресурсов в военный силовой потенциал заданного уровня. То есть интегральный показатель военного потенциала косвенно уже отражает в себе оценку качества

[5] PwrIndx. Индекс военной мощи стран за 2015 г. Global Firepower. Военная мощь государства тем больше, чем ближе данный индекс к нулевому показателю [25].

[6] За значение 1,000 принят самый высокий военный показатель среди великих держав (США). Данные других стран представляют собой соответствующую долю от единицы, зависящую от показателя силового индекса PwrIndx (Global Firepower).

[7] База данных SIPRI Military Expenditure Database 2016 [24].

[8] За показатель 1,000 принят самый крупный средневзвешенный военный бюджет (2007–2015) среди великих держав (США).

[9] Показатель «эффективность — стоимость» рассчитывается как отношение относительного силового потенциала к относительному показателю средневзвешенного военного бюджета каждой страны. Фактически отражает эффективность превращения каждого затраченного на военные нужды доллара в имеющийся у страны военный силовой потенциал.

персонала, задействованного в военной сфере государства, качества административно-бюрократической деятельности военных штабов, качества вооружения и обеспечения военной деятельности и прочие неколичественные характеристики.

Существующие оценки военного потенциала демонстрируют несколько более разнородную картину, чем при анализе аккумулированного национального богатства стран. Если исходить из объемов военного бюджета, даже несмотря на некоторое снижение расходов в 2010-х годах, США продолжают безальтернативно доминировать в международной системе. По этому показателю они превосходят ближайших преследователей более чем в 4 раза.

Если же использовать более нюансированные оценки, в том числе учитывающие значение ядерного оружия, то современная международно-политическая система представляется более сбалансированной. Другие державы компенсируют американское материальное преобладание мобилизацией большей части национального богатства и более эффективной организацией военных расходов.

Подобное положение отчасти объясняется разницей в задачах, которые ставятся перед вооруженными силами различных держав. В основе военной доктрины Соединенных Штатов лежит стремление к контролю над «общими пространствами», связывающими отдельные регионы мира в единое целое [26, p. 5–46]. Они включают в себя Мировой океан, воздушную и космическую среду, а также киберсферу.

Для реализации своей глобальной стратегии США нуждаются в вооруженных силах, способных обеспечивать беспрепятственное использование этих пространств и ограничивать аналогичные возможности для любых потенциальных конкурентов. С учетом удаленности Соединенных Штатов от других крупных центров мирового производства такой потенциал выступает гарантией обеспечения их интересов в ключевых регионах мира.

«Восходящие» державы до сих пор избегали попыток приобретения аналогичных возможностей. В этом смысле ни одна из них не располагает военным потенциалом, предназначенным для борьбы за «общие пространства». В то же время такие страны, как Китай и Россия, активно вовлечены в наращивание возможностей блокирования доступа, получивших в англоязычной литературе название A2/AD (anti-access/area-denial) [27, p. 115–149; 28, p. 95–116]. Вместо конкуренции в глобальном масштабе с американскими вооруженными силами они ориентированы на создание локального превосходства над ними вблизи своих границ.

Подобная стратегия, с одной стороны, означает признание самими восходящими государствами асимметрии в отношениях с Соединенными Штатами (по крайней мере, за рамками паритета ядерных сил). С другой стороны, она позволяет концентрировать ресурсы на создании условий для их более эффективного балансирования даже с учетом существующих экономических и технологических ограничений.

Заключение

Современная мировая система характеризуется серьезными структурными дисбалансами. Представления о том, что полицентричный мир стал уже политической реальностью, имеют малое подкрепление распределением материальных потенциалов между государствами. Изменения в соотношении национального богатства

между странами присутствуют, но они остаются ограниченными. Исключение на общем фоне до недавнего времени составлял мощный подъем Китая (а также в меньшей степени Индии, но с еще более низкой базы).

Более того, в ряде случаев наблюдается серьезный разрыв между аккумулированным национальным богатством и актуальными военно-политическими возможностями. За десятилетие после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. фундаментальных изменений в соотношении потенциалов между крупными игроками (за исключением укрепления позиций Китая) не произошло. В этом смысле активизировавшийся экспертный дискурс по перестроению международной системы в направлении полицентричности не столько руководствуется фундаментальными факторами, сколько следует за конъюнктурными обстоятельствами.

Литература

1. *Караганов С.* Недалекое будущее: Податливый и опасный мир. 26.02.2007. URL: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/n_8063 (дата обращения: 08.02.2016).

2. *Баталов Э.Я.* К пониманию миропорядка (эволюция концепций) // Прогнозы и стратегии. 01/2008–01/2009. С. 22–29.

3. Концепция внешней политики Российской Федерации 2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 08.02.2017).

4. *Путин В.В.* Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2007. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 08.02.2016).

5. *Истомин И.А.* Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 5. С. 20–33.

6. *Beckley M.* China's century? Why America's edge will endure // International Security. 2011. N 3. P. 41–78.

7. *Brooks S., Wohlforth W.* America Abroad: The United States' Global Role in the 21st Century. Oxford: Oxford University Press, 2016. 274 p.

8. *Brooks St., Ikenberry G.J., Wohlforth W.C.* Don't Come Home America // International Security. 2012/2013. Vol. 37, N 3. P. 7–51.

9. *Waltz K.N.* Theory of International Politics. Long Grove: Waveland Press, 2010. 251 p.

10. *Singer J.D., Bremer S, Stuckey J.* Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820–1965 // Peace, War, and Numbers / ed. by Br. Russett. Beverly Hills: Sage, 1972. P. 19–48.

11. *Treverton G.F., Jones S.G.* Measuring National Power. Santa Monica: RAND Corporation, 2005. 27 p.

12. National Intelligence Council. Global Trends 2030: Alternative Worlds. 2012. URL: https://info.publicintelligence.net/GlobalTrends2030.pdf (дата обращения: 08.02.2016).

13. *Gilpin R.* War and change in world politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.

14. *Mearsheimer J.J.* The Tragedy of Great Power Politics. New York: WW Norton & Company, 2014. 561 p.

15. *Zakaria F.* From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role. Princeton: Princeton University Press, 1999. 199 p.

16. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2014. 448 с.

17. *Keohane R.O.* After hegemony: Cooperation and discord in the world political economy. Princeton: Princeton University Press, 2005. 290 p.

18. *Krauthammer C.* The unipolar moment // Foreign affairs. 1990. Vol. 70, N 1. P. 23–33.

19. *Wohlforth W.C.* The stability of a unipolar world // International security. 1999. Vol. 24, N 1. P. 5–41.

20. World Bank. World Development Indicators. URL: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators (дата обращения: 08.02.2017).

21. *Volgy T.* et al. (ed.). Major powers and the quest for status in international politics: global and regional perspectives. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 242 p.

22. *Womack B.* Asymmetry and International Relationships. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 244 p.

23. *Dujin A., Geissler C., Horstkötter D.* Industry 4.0: The new industrial revolution. Munich: Roland Berger Strategy Consultants, 2014. 24 p.

24. SIPRI Military Expenditure Database. Data for all countries from 1988–2015 in constant (2014) USD (pdf). SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute). 2016. URL: https://www.sipri.org/databases/milex (дата обращения: 08.02.2016).

25. Global Firepower. Complete List 2016. 2016. URL: http://www.globalfirepower.com (дата обращения: 08.02.2016).

26. *Posen B. R.* Command of the commons: the military foundation of US hegemony // International Security. 2003. Vol. 28, N 1. P. 5–46.

27. *Montgomery E. B.* Contested primacy in the Western Pacific: China's rise and the future of US power projection // International Security. 2014. Vol. 38, N 4. P. 115–149.

28. *Frühling S., Lasconjarias G.* NATO, A2/AD and the Kaliningrad Challenge // Survival. 2016. Vol. 58, N 2. P. 95–116.

Для цитирования: *Истомин И. А., Кильдюшкин А. С.* Динамика соотношения потенциалов государств и перспективы формирования полицентричной системы международных отношений // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 348–362.
https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.406

References

1. Karaganov S. *Nedalekoe budushchee: Podatlivyi i opasnyi mir* [*Near Future: Compliant and Dangerous World*]. 26.02.2007. Available at: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/n_8063 (accessed: 08.02.2016). (In Russian)

2. Batalov E. Ia. K ponimaniiu miroporiadka (evoliutsiia kontseptsii) [To understanding the world order (the evolution of concepts)]. *Prognozy i strategii,* 01/2008-01/2009, pp. 22–29. (In Russian).

3. *Kontseptsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii 2016* [*Foreign Policy Concept of the Russian Federation, 2016*]. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (accessed: 08.02.2017). (In Russian)

4. Putin V. V. *Vystuplenie na Miunkhenskoi konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti* [*Speech at the Munich Conference on the Security Policy*]. 10.02.2007. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (accessed: 08.02.2016). (In Russian)

5. Istomin I. A. Refleksiia mezhdunarodnoi sistemy v ofitsial'nom diskurse i nauchnom osmyslenii [Reflection of the international system in official discourse and scientific understanding]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2016, no. 5, pp. 20–33. (In Russian)

6. Beckley M. China's century? Why America's edge will endure. *International Security*, 2011, no. 3, pp. 41–78.

7. Brooks S., Wohlforth W. *America Abroad: The United States' Global Role in the 21st Century.* Oxford, Oxford University Press, 2016. 274 p.

8. Brooks St., Ikenberry G. J., Wohlforth W. C. Don't Come Home America. *International Security,* 2012/2013, vol. 37, no. 3, pp. 7–51.

9. Waltz K. N. *Theory of International Politics.* Long Grove, Waveland Press, 2010. 251 p.

10. Singer J. D., Bremer S., Stuckey J. Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820–1965. *Peace, War, and Numbers*. Ed. by Br. Russett. Beverly Hills, Sage Publ., 1972, pp. 19–48.

11. Treverton G. F., Jones S. G. *Measuring National Power.* Santa Monica, RAND Corporation, 2005. 27 p.

12. *National Intelligence Council. Global Trends 2030: Alternative Worlds.* 2012. Available at: https://info.publicintelligence.net/GlobalTrends2030.pdf (accessed: 08.02.2016).

13. Gilpin R. *War and change in world politics.* Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 272 p.

14. Mearsheimer J. J. *The Tragedy of Great Power Politics.* New York, WW Norton & Company Publ., 2014. 561 p.

15. Zakaria F. *From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role.* Princeton, Princeton University Press, 1999. 199 p.

16. *Megatrendy. Osnovnye traektorii evoliutsii mirovogo poriadka v XXI veke* [*Megatrends. The main trajectories of the world order evolution in the 21st century*]. Eds T. A. Shakleina, A. A. Baykov. 2nd ed. Moscow, ASPEKT-PRESS, 2014. 448 p. (In Russian)

17. Keohane R. O. After hegemony: *Cooperation and discord in the world political economy.* Princeton, Princeton University Press, 2005. 290 p.

18. Krauthammer C. The unipolar moment. *Foreign affairs*, 1990, vol. 70, no. 1, pp. 23–33.
19. Wohlforth W. C. The stability of a unipolar world. *International security*, 1999, vol. 24, no. 1, pp. 5–41.
20. *World Bank. World Development Indicators*. Available at: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators (assessed: 08.02.2017).
21. Volgy T. et al. (ed.). *Major powers and the quest for status in international politics: global and regional perspectives*. New York, Palgrave Macmillan, 2011. 242 p.
22. Womack B. *Asymmetry and International Relationships.* Cambridge, Cambridge University Press, 2016. 244 p.
23. Dujin A., Geissler C., Horstkötter D. *Industry 4.0: The new industrial revolution.* Munich, Roland Berger Strategy Consultants Publ., 2014. 24 p.
24. *SIPRI Military Expenditure Database.* Data for all countries from 1988–2015 in constant (2014) USD (pdf). 2016. SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute). Available at: https://www.sipri.org/databases/milex (accessed: 08.02.2016).
25. *Global Firepower. Complete List 2016.* Available at: http://www.globalfirepower.com (accessed: 08.02.2016).
26. Posen B. R. Command of the commons: the military foundation of US hegemony. *International Security*, 2003, vol. 28, no. 1, pp. 5–46.
27. Montgomery E. B. Contested primacy in the Western Pacific: China's rise and the future of US power projection. *International Security,* 2014, vol. 38, no. 4, pp. 115–149.
28. Frühling S., Lasconjarias G. NATO, A2/AD and the Kaliningrad Challenge. *Survival*, 2016, vol. 58, no. 2, pp. 95–116.

For citation: Istomin I. A., Kildyushkin A. S. Dynamics of state power potentials and prospects for a polycentric international system. *Vestnik SPbSU. Political Science. International Relations*, 2017, vol. 10, issue 4, pp. 348–362. https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.406

Статья поступила в редакцию 16 июня 2017 г.
Статья рекомендована в печать 18 октября 2017 г.